

Международная научная конференция
«Слухи в России XX века:
неформальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории»
Москва, 1 – 2 октября 2009

Информационное письмо

Глубокоуважаемые коллеги,

1-2 октября 2009 г. в Германский исторический институт в Москве совместно с Центром культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск) проводит международную научную конференцию «Слухи в России XX века: неформальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории». Ниже Вы найдете информацию о ней. В связи с ограниченным финансированием информация предназначена в первую очередь тем исследователям, которые во время проведения конференции предполагают находиться в Москве или имеют возможность получить финансирование на участие в ней. В течение ограниченного времени (см. ниже) Вы имеете возможность подать заявку на участие в ней.

Для коммуникации с членами Оргкомитета обращайтесь, пожалуйста, по адресу kulthist@chelcom.ru

С готовностью к сотрудничеству,

Ольга Никонова
Юлия Хмелевская
Игорь Нарский

Проект международной научной конференции

С тех пор как феномен слухов стал объектом пристального интереса социологов, психологов и специалистов по теории коммуникации, все чаще признается, что слухи всегда оставляют следы в истории. Являясь древнейшей формой массовой коммуникации, они служили средством передачи и распространения новостей, сопровождали различные социальные потрясения, создавали и разрушали репутации правителей, способствовали краху режимов, использовались как средство устрашения и предупреждения об опасности. В последнее время, когда в связи с развитием мультимедийных технологий сфера происхождения и бытования слухов стала рассматриваться как пра-пропаганда и прообраз современной среды виртуальных, сетевых технологий, феномен слухов начал привлекать все большее внимание исследователей. Но за редким исключением, как сами слухи, так и новейшие методы их изучения и интерпретации остаются недооцененными профессиональными историками, и в России – в особенности, в то время как «пальма первенства» в изучении слухов, процессов их создания, особенностей циркуляции и причин их живучести в современном обществе по-прежнему принадлежит психологам и социологам¹. Между тем, ретроспективное историческое исследование коммуникативных

¹ См., напр.: *Allport, Gordon W., Postman, Leo. The Psychology of Rumor. New York, 1947; Campion-Vincent, Veronique; Heath, Chip (dir.). Rumor Mills: The Social Impact Of Rumor And Legend. Berlin: 2005; Campion-Vincent, Veronique. La soci t  parano: Th ories du complot, menaces et incertitudes. Paris, 2005; Campion-Vincent, Veronique, Jean-Bruno Renard. L gendes urbaines. Rumeurs d'aujourd'hui. Paris, 1992; Froissart, Pascal. La rumeur. Histoire et fantasmes. Paris, 2002; Kapferer, Jean-No l. Rumeurs. Le plus vieux m dia du monde. Paris: Seuil, 1995 [1987]; Rosnow, Ralph L. Rumor and gossip: the social psychology of hearsay. New York, Oxford, Amsterdam, 1976; Shibutani, Tamotsu. Improvised News. A Sociological Study of Rumor. Indianapolis, New York, 1966; Kimmel, Allan J. Rumors and rumor control: a manager's guide to understanding and combatting rumors. Mahwah, NJ, 2004; DiFonzo, Nicholas. Rumor psychology: social and organizational approaches. Washington, 2007; и др.*

процессов позволяет анализировать не только «видимую» сторону исторических событий, но и помогает выявить «невидимые» социальные механизмы прошлого и понять, что породило эти события, и как к ним относились их современники.

Первыми в российской историографии на важность исторического исследования «бытующих в народе слухов» как материала для изучения «настроений масс» и их политических действий обратили внимание публицисты, фольклористы и крестьяноведы, занимавшиеся эпохой отмены крепостного права - А.З.Попельницкий, И.И.Игнатович, С.П.Чернов в начале XX в., К.В.Чистов и В.Г.Базанов в 1960-е гг. Исследовательский ракурс всех этих авторов был сужен приоритетными в те времена рамками «революционной борьбы», в связи с чем, например, работы 1960-х гг. уподобляли слухи и толки середины XIX в. формам «социально-утопических легенд», а изучение их носило политизированный характер.

Преодолению односторонней политизации прошлого в немалой степени способствовало обращение историков к междисциплинарным культурно-антропологическим подходам, инициированное французской школой Анналов, представители которой (М.Блок, Л. Февр и др.²) одними из первых обратили внимание на роль слухов в формировании коллективной ментальности. Однако, несмотря на очевидные достижения этого направления и его последователей в России в изучении социальной и культурной истории Средневековья и раннего Нового времени³, инструментарий и находки этих новаторских методик практически не отражены в работах по современной российской истории. В российской научной литературе продолжает доминировать мнение о том, что слухи являются явлением преимущественно негативным и атрибутом отсталости, в связи с чем они чаще всего рассматриваются как своего рода вторичный источник, который, как правило, используется для придания фонового колорита описаниям стихийных бедствий (неурожая, голода) и социальных коллизий (крестьянских восстаний, войн, династических кризисов и т.д.).

Отчасти малочисленность работ и предвзятость историков по отношению к слухам объясняется традиционными убеждениями о том, что они представляют собой ложную информацию или заменитель иных форм информации. Именно мнение о том, что информативная ценность слухов невелика, является главнейшим недостатком текущего состояния изученности этого феномена. В соответствии с представлением о том, что со слухами надо бороться и опровергать, гораздо больше энергии тратится на их стигматизацию и доказательство их недостоверности, чем на прояснение их истоков, социальной роли, механизмов распространения и содержащихся в них «посланий». Ярким примером такого отношения может служить обширная историография Смутного времени начала XVII в., в которой слухи о причастности Бориса Годунова к загадочной смерти царевича Дмитрия рассматриваются исключительно с точки зрения степени их «правдивости». Большинство историков констатирует их неправдоподобность, в то время как собственная роль слухов о «невинно убиенном царевиче» в развитии династического кризиса при этом, как правило, не анализируется.

² См.: Bloch, Marc. *Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre*. Paris, 1999[1921]; Февр Л. Гигантский лживый слух: великий страх 1789 года / Бои за историю. М., 1991. С.414-422; Dosse, François. *L'histoire en miettes*. Des «Annales» à la «nouvelle histoire», Paris, La Découverte, 1997 [1987].

³ Farge, Arlette & Revel, Jacques. *Vanishing Children of Paris: Rumor and Politics Before the French Revolutions*. Harvard University Press. (1991) 2006; Farge, Arlette. *Dire et mal dire. L'opinion publique au XVIIIe siècle*. Paris, 1992; Gurevich, Aron. *Medieval popular culture: problems of belief and perception*. Cambridge, Paris, 1988; Gurevich, Aron. *Historical anthropology of the Middle Ages*. Chicago, 1992; Delumeau, Jean, Jurieu, Pierre. *La peur en Occident, XIVe-XVIIIe siècles*. Paris, 1996 [1987]; Delumeau, Jean, Jurieu, Pierre. *L'accomplissement des prophéties*. Paris, 1994; Jones-Davies, Marie-Thérèse (dir.) *Rumeurs et nouvelles au temps de la Renaissance*. Paris, 1997; Kovacs, Fadia Nassif Tar. *Les rumeurs dans la guerre du Liban: les mots de la violence*. Paris: CNRS Éditions. 1998; Neubauer, Hans-Joachim. *Fama: Eine Geschichte des Gerüchts*. Berlin, 1998; Ramsay, Clay. *Ideology of the Great Fear: The Soissonnais in 1789*. The Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science, 109th Series, 1991. №2; Sauvy, Alfred, Hirsch, Anita. *De la rumeur à l'histoire*. Paris, 1985; и др.

Другой причиной неохотного обращения историков к слухам, по-видимому, являются трудности источниковедческого порядка: при историческом анализе исследователю приходится сталкиваться не столько со слухами как таковыми, сколько с их отголосками и отражениями, которые подвержены забвению, рационализации и искажению. То есть, изучаются не собственно слухи, а их следы и манифестации в человеческой памяти, текстах, визуальных образах, дискурсивных практиках и документах, что требует дополнительных аналитических навыков и интерпретационных усилий. Поэтому традиционалистски настроенные «серьезные» историки, стремящиеся к «научному» и «объективному» знанию, по-прежнему относят слухи к категории самых «ненадежных» исторических источников, считая их синонимами «лжи» и «сплетен», которые не заслуживают особого внимания как фактор общественной жизни в современном обществе и нуждаются прежде всего в опровержении, а не в изучении. Даже в наиболее продвинутом исследовании по российской истории XX в., включая работы западных авторов за последние 20 лет, слухи упоминаются нечасто, в основном применительно к коллективизации и Второй мировой войне или как «оружие слабых», используемое почти исключительно крестьянами и низшими классами в городах, и лишь совсем недавно этот феномен стал рассматриваться как способ дискредитации официальных (письменных) текстов, проявления недоверия к власти, медиум неподконтрольных государству толкований, выражение коллективных надежд, инструмент создания разнообразных идентичностей и конструирования реальностей

Расцвет слухов как «альтернативного знания», мобилизующего на сопротивление, как и попытки его подавления, представляются центральным компонентом современности вообще и российской в частности. Слухи широко циркулировали и продолжают циркулировать во всех слоях и стратах населения России, сопровождая многочисленные политические и социальные коллизии поздне-имперского, советского и постсоветского периодов, деятельность политических лидеров и популярных личностей. Их важность недвусмысленно подтверждается пристальным вниманием, которое уделяют слухам разнообразные государственные органы, контролирующие и наблюдающие за настроениями общества. Многие свидетельствуют о том, что пропаганда советского режима использовала элементы популярных слухов (например, о действиях противника во время Гражданской и Великой Отечественной войн, о неблагонадежности и вредительстве евреев в годы позднего сталинизма), лингвистические конструкции, типичные для формулирования слуха (например, обилие безличной формулы «говорят, что» в текстах большевистских вождей). Известно и то, что в управлении страной использовались модели неясно сформулированных побудительных информационных («сигналы» от Сталина) и негласные каналы оперативного распространения секретной информации (как это происходило, например, с докладом Н.С. Хрущева на XX съезде), аналогичные техникам «естественного» распространения слухов.

Безусловно, анализ слухов и использование их как индикатора и манипулятора умонастроениями общества не составляет сугубо российской особенности или принадлежности исключительно авторитарных и тоталитарных систем – в чрезвычайных условиях к ним прибегают и спецслужбы либеральных и демократических режимов (например, в Великобритании во время Первой мировой войны или в США во время Второй). Однако именно применительно к российской ситуации XX в. изучение слухов представляется особенно актуальным. Несоответствие имевшихся в распоряжении государства материальных, организационных и человеческих ресурсов поставленным перед страной целям, сложное напластование кризисов управления и контроля, восприятия и поведения – все это обеспечило невиданный простор слухам как альтернативным способам властвования, коммуникации и, в конечном счете, упорядочивания жизни. Повышенную концентрацию этого феномена целесообразно рассматривать в качестве естественного эффекта и важного фактора этой фазы истории Российской империи и СССР.

Главными целями конференции является координация исследовательских усилий и расширение представлений о возможностях использования слухов в самых разнообразных их репрезентациях как ценного источника по новейшей истории России. Представляется,

что обсуждение современных междисциплинарных методических и практических наработок в этой области позволит лучше понять механизмы неформальной коммуникации в авторитарных, тоталитарных и пост-тоталитарных обществах.

В качестве **основной гипотезы** планируемой дискуссии предлагается положение о том, что слухи представляют собой не только медийное и коммуникативное средство, но и мощный фактор, который оказывает глубокое воздействие на исторический процесс, с одной стороны, подстраиваясь под него, с другой – влияя на его протекание. Главный акцент предполагается сделать на прикладных функциях слухов, которые не только заполняли «дыры» в информационном поле, но и служили средствами альтернативной интерпретации, разложения, критики и сопротивления, а также создания неформальных идентичностей и объяснения непонятного.

В этой связи предполагается использование методологических подходов современной социологии, давно отказавшейся от морализаторских представлений, характерных для социальных наук середины XX в., которым свойственно было акцентировать «ложность» слухов, их тенденцию к искажению «реальности» и связанную с этим необходимость их «верификации». Ввиду принципиальной субъективности критериев «верифицируемости» и «неверифицируемости», «правдивости» и «ложности», более продуктивным представляется рассмотрение слухов как одного из способов субъективного конструирования реальности, которая, таким образом, выступает не как «отправная точка» и объект «искажения», а как конечный продукт со своей собственной логикой. По мнению одного из известнейших специалистов по изучению слухов Жана-Ноэля Капферера, «слухи вызывают беспокойство не потому, что они “фальшивы” – если бы дело было в этом, то никто бы не обращал на них никакого внимания. В слухи верят именно потому, что они оказываются “правдой”, как это бывает в случаях с утечкой информации или “политическими секретами”, которые на самом деле ни для кого не секрет. А беспокойство они вызывают потому, что представляют собой источник информации, который не контролируется властью. Поворачиваясь спиной к официальным версиям, на свет пробиваются другие версии, и каждая из них ведет к своей собственной правде» (*Jean-Noël Kapferer. Rumeurs. Le plus vieux média du monde. Paris: Seuil, 1995 [1987]. P.4, 7*)

Проблемы, предлагающиеся к обсуждению:

- Слухи как объект научных исследований. Как и в связи с чем слухи приобрели статус объекта научного исследования? Как менялись концептуальные представления о слухах и о методах работы с ними в научном и политическом дискурсах XX в.? Каким образом – и с помощью каких стратегий, маневров и операций – научные исследования конституируют слухи в качестве «реальных» сущностей и особого способа конструирования реальности?
- Квалификация и типология слухов. Особенности семантического поля: слухи и близкие понятия (сплетни, молва, мифы, «утки», ложь, дезинформация, фальсификация); проблемы дефиниции и разграничения. «Информационный» и «экспрессивный» параметры слухов и возможности их историзации. Слухи как социокультурный конструкт и возможности выявления степени их сконструированности.
- Проблемы и трудности ретроспективного исследования слухов как формы коммуникации. Репрезентации слухов в российских культурных и коммуникативных практиках (письменные источники, пресса, фольклор, анекдоты, частушки, современные/городские легенды и апокрифы, сетевые и мультимедийные ресурсы), перспективы и границы их использования как исторического источника. Устная история как система трансляции и сохранения слухов. Продуктивно ли с

эпистемологической точки зрения считать «устность» основным квалификационным критерием «настоящего», «живого» слуха (т.е. передаваемого по каналам межличностного общения) и отделять его от слуха «зафиксированного», т.е. «записанного» и замершего в своем развитии?

- Каналы, география и особенности циркуляции слухов в России XX в., социокультурный профиль их носителей и аудитории (слухи «городские» и «сельские», «центральные» и «периферийные» и др.) в исторической перспективе. Можно ли выделить сугубо российские особенности «питательной среды» для возникновения и функционирования слухов? Трудно представить себе, чтобы в ситуации кризиса возникла лишь одна интерпретация происходящего, оформленная в виде слуха и альтернативная официальной. Как возникла и протекала конкуренция между параллельно курсирующими слухами? Что обеспечивало их иерархизацию и вытеснение менее популярных слухов?
- Структура и содержание российских слухов XX в., динамика их развития и трансформации, «традиции» и «новации» в сюжетах, социокультурный, политический, экономический, региональный, этнический, конфессиональный контексты их конструирования и существования. Какие модификации испытывали слухи в различных коммуникативных средах и какое воздействие оказывали на них? Слухи как «коллективное творчество» - факторы и механизмы «сглаживания» и «заострения» исходной информации. «Человеческое» и «сверхъестественное» в содержании слухов – варианты соотношения и взаимодействия.
- Слухи и исторические действия. Обнаруживаются ли социокультурные различия в способности слуха мобилизовать тот или иной коллектив на определенные действия и как это проявляется в политическом поведении (например, ксенофобии, патриотической лихорадке, погромах, панике, массовых беспорядках и др.)? Самые «влиятельные» и устойчивые слухи в российской истории XX в. и их зависимость и/или взаимодействие с наиболее масштабными событиями российской истории (войнами, революциями, сменами государственных лидеров и политических курсов, экономическими реформами, социальными экспериментами и т.д.) Почему один и тот же слух в одних случаях вызывал пассивное ожидание, в других – панику, в третьих – готовность к применению силы и активный протест?
- Слухи и коллективная/историческая память: критерии отбора и особенности «консервации» слухов, слухи о прошлом и их роль в современности
- Слухи и власть: стратегии и методы «работы» государства и государственных медиа с феноменом слухов – от нейтрализации, опровержения и политического мониторинга до провокации и пропаганды. Слухи и конструкт «общественное мнение» - противостояние и/или взаимодействие? Какое место занимали в государственной практике слухи, дискредитирующие реальных или потенциальных врагов и оправдывающие государственное насилие?

Проделанная подготовительная работа

В результате проведенных организаторами предварительных переговоров была достигнута договоренность о возможности участия и предоставления материалов для дискуссии с рядом российских и зарубежных исследователей, научные интересы которых тесно связаны с заявляемой проблематикой. Список предполагаемых участников конференции и предварительные темы докладов см. в **Приложении 1**.

Процедура подачи материалов и проведения конференции

Конференция будет проходить в Германском историческом институте в Москве по адресу: ИНИОН, Нахимовский пр., 51/21.

Желающим принять участие в конференции следует **до 15 апреля 2009** года прислать в Оргкомитет заявку с информацией о себе (форма свободная) и краткое содержание предполагаемого доклада (до 1 стр. в формате MS Word).

В срок до **1 июня 2009 г.** Оргкомитет ожидает от Вас предоставления полнотекстовых версий статей на заявленные Вами темы, чтобы заблаговременно разослать их всем предполагаемым участникам для предварительного ознакомления *ДО начала конференции*, а во время работы секций больше времени отвести на дискуссию. Статьи, поступившие после указанного срока или оформленные не по образцу, к публикации не принимаются.

Объем статьи – от 20000 до 40000 знаков (от 0,5 до 1 п.л.), набранных в Word/RTF, через полтора интервала, 12 кеглем, шрифт Times New Roman, **сноски концевые автоматические**. Заявки и статьи принимаются **только** в электронном варианте в виде приложения в формате Word для Windows по адресу

kulthist@mail.ru

с указанием темы Rumors2009.

В связи с тем, что предварительная рассылка материалов предусматривается на русском языке, зарубежные авторы должны обеспечить **русскоязычные версии** своих докладов, а в случае невозможности выполнения перевода собственными силами известить об этом Оргкомитет заранее (**до 1 мая**).

Заседания тематических блоков будут организованы последовательно, каждому из участников будет предоставлена возможность сделать краткую презентацию-комментарий к имеющемуся тексту (не более 15 минут), после чего в конце каждого тематического блока предусматривается общая дискуссия.

По итогам конференции предполагается издание сборника статей, для окончательного завершения которых с учетом высказанных в ходе открытого обсуждения замечаний и предложений авторам будет предоставлено дополнительное время.

Рабочий язык конференции – русский без перевода

Место проведения:

Германский исторический институт в Москве (ИНИОН)

Организаторы:

Центр культурно-исторических исследований Факультета права и финансов Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

Германский исторический институт в Москве.

Координаторы:

Игорь Нарский (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)

Йорг Баберовски (Университет Гумбольдта, Берлин)